

КРОКОДИЛ

2556

ПРИЕМЛЕМОЕ ЗНАМЯ

«Есть и такие спецы, которые работают только ради жалованья, без всякого воодушевления, как чиновники, чуждые революции». (Из речей на шахтинском процессе).

— Нас обвиняют, что мы не идем под красное знамя! А это разве не червонное?

Рис. М. Черемных

Рис. И. Янга

ПРОХОЖИЙ: — Э, брат, дальше идти опасно! Если оттуда милиция бежит, значит — там драка...

ДАВНО НАЗРЕВШЕЕ
(Конкретные предложения)

Бывая по делам службы в городах и не столь значительных, я невольно обратил внимание на весьма прискорбное обстоятельство, — а именно: зачастую большинство граждан весьма и весьма мало знакомо с географией собственного города. Так, на мой вежливый по форме и серьезный по существу вопрос: — Как мне пройти на улицу Максима Горького? — я не мог получить удовлетворительного ответа. На вопрос мне ответили вопросом же:

— Это какая же? Которая Амануллы-хана?

— Нет, — поправил некто, — видимо, гражданин интересуется той, которая ныне имени Северного полюса и ледокола «Малыгина».

— Опять не то! — подала голос неизвестная мне женщина. — Им, видать, надо либо на улицу Самокритики, либо же — Хлебозаготовок. А может, и наоборот.

— Вам на Кузнечную? Прямо и налево! — разъяснил весь вопрос достойный представитель рабоче-крестьянской красной милиции.

Я привел этот несколько утомительный пример из личной практики в доказательство того положения, что не каждый город нашего Союза настолько богат, как Ленинград, имеющий возможность дешево и сердито увековечить в сердцах сограждан память вождей, героев и исключительных событий, в роде «Красных Зорь», и не каждый может позволить себе такую роскошь, как Москва, насчитывающая пять улиц Карла Маркса без Энгельса и четыре еще с Энгельсом.

Между тем, социалистическое строительство ширится, события нагромождаются, приезды великих людей учащаются, а со всем этим растет и потребность в увековечениях.

Конечно, самым решительным выходом из кризиса увековечений явилась бы постройка новых улиц, но, принимая во внимание, с одной стороны, скудость местных бюджетов и, с другой стороны, невозможность нагнать строительством новых улиц потребность в увековечениях, а равно исходя из вышеизложенного мною примера, когда одна Кузнечная улица в спешном порядке переименовывалась на кратком отрезке времени из Кузнечной в улицу Амануллы-хана, далее в улицу Хлебозаготовок, затем в улицу Самокритики и, наконец, в им. Северного полюса и ледокола «Малыгина», — предлагаю:

В каждом городе отвести специальную улицу, назвав ее улицей «имени дежурного имени», заготовить для нее вставные дощечки и менять оные на угловых домах в зависимости от подлежащего в данный момент увековечению события.

Таким путем будет избегнута неудобство для путешественников, ибо каждый гражданин города всегда легко и свободно будет указывать путь к дежурной улице города, а равно будет удовлетворено вполне законное (в пределах революционной законности) стремление вождей каждого города к увековечению людей и событий.

Беспартийный Савелий Октябрев.

ШВАХТИНЦЫ

Внимательно следя за шахтинским процессом, Рабочий заявил: — Без лишней болтовни, — Есть люди и у нас.. Не шахтинцы.. Ни-ни.. Но швахтинцы с большим удельным весом.. Что ни начнут, — прекрасно на словах, А чуть до практики, сейчас же дело — швах!..

М. Андр.

КОЛЛЕКЦИЯ ЛАКИРОВАННЫХ
6. ТОВ. ШТОЛЬЦЕВА

Прошел Октябрь... Прошли фронты... Тов. Штольцева села на мель. — Я — революционерка! А мне, представьте, говорят: «Учитесь торговать, учитесь строить теплые скотные дворы». Чорт знает, что такое!

Пришлось лакироваться. Отлакировалась тов. Штольцева под правую охранительницу революционных устоев. Первым делом она переименовала своих, ни в чем неповинных детей. Серезу она назвала Серпом Молотовичем, а старшую дочь Наталью — Наковальной Молотовной.

Затем она очистила свою квартиру от малейших признаков беспартийного комфорта, убрала ковер, выбросила недостаточно выдержанных Чехова и Тургенева. Сняла со стены портрет Луначарского, заподозренного ею в правом уклоне. Облачилась в потертую кожу и серенькую панамку, выдавшие виды, вооружилась рваным портфелем и начала удручать человечество контрреволюцией.

— Контрреволюция! — вопила она по поводу обнаруженного твердого знака или царского герба. — Контрреволюция! — гремела Штольцева, наткнувшись на бога с большой буквы. — Контрреволюция! — носилась она по городу с сатирическим журналом в руках, в котором был нарисован тов. Буденный.

— Позвольте, — возражали ей. — Ну, твердый знак и бог с большой буквы, может быть, и — контрреволюция. Но почему же рисунок с Буденным?..

— Как почему? Вы не видите? А лошадь? Лошадь-то! Желтого цвета! И такую контрреволюцию преподносят массам!

Контрреволюцию Штольцева находила повсюду: в пьесах, на конфетных обертках, в рисунке ситца, в газетных объявлениях, в военной форме, в прическе, в французских каблуках, словом, — всюду, кроме тех мест, где контрреволюция и в самом деле могла быть.

Штольцева подозревала всех. Одних больше, других меньше, но всех без исключения. Даже — и самое себя, когда читала старое издание «Капитала» с буквой ять. Беспартийных она не только подозревала, но брезгливо презирала, как прокаженных инфузорий.

На всяком собрании, с участием инфузорий, она требовала предварительного созыва фракции. Когда домком собрался нанимать всего-на-всего лифтера, Штольцева и тут собрала фракцию, выкинув категорический лозунг: — Нам нужен партийный лифтер!

К партийцам с умеренным стажем Штольцева относилась полу-презрительно.

— Вы еще, молодой человек, в пеленках были, когда я делала революцию! — строго замечала она какому-нибудь инвалиду гражданской войны, имевшему стаж меньше, чем у Штольцевой.

Не желая смешиваться с малостажными, Штольцева разработала проект о всеобщем ношении форменной одежды с выпущками и петличками, по которым легко можно было бы отличить размеры стажа.

Кампания по самокритике чуть не свалила Штольцеву с ног.

— Это самая ужасная контрреволюция из всех, которые когда-либо существовали!

Штольцева так была ошеломлена развернувшейся самокритикой, что раньше времени поспешила уехать в трехмесячный отпуск.

— Пусть это пройдет без меня!

Рассчитывая сразу избавиться от потрясающих картин контрреволюционной гидры, Штольцева, в конце концов, заказала себе очки с красными стеклами. Но, к ее ужасу, сквозь эти очки красные флаги казались черными.

— Контрреволюция! Черные флаги!

— Это закон оптики! — ответили сведущие люди.

— Не втирайте мне очков! — взъярилась Штольцева. — Какой такой закон оптики? Законы могут быть только ВЦИК'а. Опять контрреволюцию разводите!

О Штольцевой однако говорили: — Баба, конечно, пересаливает, но человек преданный... Кой-кто из людей малодушных даже побаивался ее.

Таким образом Штольцева, если и не процветала особенно, то все-таки где-то числилась и состояла. Лакировка под яркую охранительницу революционных устоев вполне прикрывала деловую никчемность и полную непригодность Штольцевой к кропотливой и упорной работе по строительству.

Б. Самсонов.

По-моему, человек зря руками махать не будет, — ни к чему это. Если он руками замахал, значит — либо волнуется вообще, либо сердится в частности. Есть, конечно, и такие, которые вообще машут руками, но те уж, видно, с самого детства взволнованные, — что о них говорить!

И когда товарищ Антихийев влетел в руководящий орган — райком и еще на ходу начал руками махать, в ту же минуту поняли, что товарищ Антихийев взволнован до необычайности.

Сами посудите: руководитель не из маленьких, привык речи произносить, директивы излагать, — значит, жест у него должен быть по привычке степенный, рукой он должен шевелить медленно и в таком виде, будто со всех сторон арбуз оглаживает и никаких шероховатостей не чувствует, — а тут вдруг обе руки у него, как ноги у футбольного форварда, болтаются без особого назначения!

Так и оказалось, согласно наблюдениям: на поклон личного не ответил, ничего не спросил, распахнул двери в кабинет, вцепился к самому столу и, опять не здороваясь, полез в левый внутренний карман пиджака, достал толстенькую пачку бумаг и книжечек, положил все это на стол, в окончателную махнул руками и сел, как статуя.

— Это что?! — изумился сам, глядя на стопку бумажек.

Да и другие товарищи из присутствующих заглянули.

— Все! — ответил немедленно со стальной решимостью товарищ Антихийев.

— Что все?!

— Вот опись: мандат, назначение, удостоверение, путевка, командировка...

— Постой, постой! Ты что — сдурел?

— Я не сдурел, но я вам не мальчишка! Я с начала революции на этой работе! Я везде работал, я...

— Да не кирпичись ты, расскажи толком: за какое место тебя муха грызнула?

— На мух тут сваливать нечего, но заявляю открыто: если вы меня, старого работника, ставите в такое положение, то я уйду! К чорту, к дьяволу, на производство, в кооперацию — куда угодно!

Долго бился с товарищем Антихийевым, пока докопались до той точки, на которой он повредился. Рассказал же он, в конце концов, такое:

— Письмо ЦК о самокритике я, конечно, читал еще в «Правде». И члены нашего коллектива тоже читали. Но все это происходило так, неофициально, по-домашнему. С получением же от вас соответствующей директивы я немедленно приступил к проведению плановой кампании по самокритике. Чтобы не задерживать разворачивания кампании, я, в духе полученной директивы, решил прежде всего, не разрабатывая даже особых инструкций и тезисов, ознакомить коллектив с письмом ЦК. Собрание было, конечно, закрытое. Я сказал несколько вступительных слов о важности проводимой кампании, о необходимости вовлечения и оживления, о максимуме здорового недоверия к возможным перегибаниям палки и к уклонам. Затем зачитал обращение ЦК. Казалось бы, для начала вполне достаточно, — слава богу, не первую кампанию провожу! — но всаает наш активист Груздев и просит слова.

Я заявляю, что у меня имеется директива с обращением ЦК ознакомить коллектив, но нет директивы это обращение обсуждать!

— Тогда, говорит, позвольте к порядку ведения.

Даю слово. Он вылезает и начинает разводить демагогию на тему о том, что ЦК, конечно, совершенно правильно обращается, что следует приветствовать, но, не ограничиваясь этим, надо внимательно обсудить обращение ЦК, а также и нашу руководящую линию. И предлагает немедленно открыть прения.

Тут я даю ему резкую отповедь:

— О правильности обращения ЦК сомнения быть не может, и приветствовать мы все готовы без предложения товарища Груздева, обсуждать же, как я уже говорил, преждевременно. Что же касается до нашей руководящей линии, то-есть линии бюро, то об этой линии предлагаю товарищу Груздеву не беспокоиться! На основании сказанного считаю прения излишними, но все же ставлю демагогическое предложение товарища Груздева на голосование.

Убежден, конечно, что отклонят, так как моя руководящая линия ясна. Куда там! Единогласно: открыть прения!

После такого демонстративного подрыва я уж ничего хорошего не ожидал. И действительно — разошлись! До того дошли, что даже бюро и райком начали прохватывать... Я неоднократно пытался останавливать зарвавшихся и призывать к порядку, — куда там! Сейчас же в нас: обращение ЦК, доклад Сталина, доклад Бухарина!

На этом товарищ Антихийев замолчал и махущими руками протер себе лоб и глаза.

— Ну, и что же?! — спросил его наш сам.

— А то же, — снова вскипятился, как чайник, товарищ Антихийев, — что я не желаю быть в дурацком положении! Я немало кампаний провел на своем веку и знаю, как это делается. А это уж не кампания, а чорт знает что!

Сам нахмурился:

— Меня удивляет такое отношение, товарищ! Ты, значит, вообще против критики? И там ты сделал неуместное замечание относительно того, чтобы о линии бюро товарищи не беспокоились, и здесь ерепишься! Чем ты недоволен?

— А тем, что со стороны райкома руководство плохое, из-за которого я и попал в глупое положение! С таким руководством... Тут сам его резко остановил:

— О руководстве райкома просил бы не беспокоиться, — не твоего ума дело. А об снять тебя с работы — созвонюсь с губкомом. Пока.

Как выходили мы из кабинета, то товарищ Антихийев все еще махал руками, а Кривунов его успокаивал:

— Чего ты, на самом-то деле? Пережили мы с тобой и оживление, и снижение, и режим экономии, бог даст, и самокритику переживем! Подумаешь, тоже...

Л. Е. Пешкин.

НЕ ЗАМАНИШЬ

Александровский городской совет (Амурский округ, Д.-В. края), отчаявшись собрать пленум, написал такое объявление:

Сегодня в клубе союзов состоится очередной пленум горсовета. На повестке интересные вопросы. Играть духовой оркестр. С 4½ до 6 радиоконцерт. По окончании пленума коллективом драматистов под управлением тов. Пирова поставлена будет очень веселая комедия.

Вот если пообещали бы по отрезу мануфактуры и комедию «только для взрослых», — тогда, пожалуй, дело было бы верное.

ЗАВХОЗЬЯ ОШИБКА

Самокритика для завхозов — гроб!

Немудрено, что тов. Титов, завхоз стройбюро шахты № 8 в Донбассе, внес на партсобрании такой проект резолюции:

При выступлениях в прениях обратить внимание на действительность сказанных слов критикующих; если нет 100% действительности, то вести расследование и выступающих привлечь к ответственности.

Когда собрание отвергло эту резолюцию, тов. Титов обозвал всех собравшихся дураками.

Титов однако сам не выполнил предложенной им стопроцентной нормы и ошибся на целых 99%, так как, по имеющимся у нас достоверным сведениям, на собрании присутствовал только один дурак.

В ЕДИНЕНИИ — СИЛА!

Нет такого учреждения, которое не мечтало бы увековечить свою переписку! Чем больше переписки, тем больше можно раздуть штаты и вообще блеснуть своей полезной деятельностью!

Но исключения, оказывается, бывают.

Галицкий уфинотдел раздул переписку до такой степени, что даже и сам с ней справиться не может. В один прекрасный день все учреждения и организации, даже торговые, получили жалобное письмо:

От имени президиума исполкома прошу отпечатать силами вашего аппарата прилагаемое письмо, в виду необходимости иметь 50 экз. данного письма и срочной его рассылки. УИК и УДГО своими силами выполнить это не могут.

Зав Филиппов.

Письмо имеет, между прочим, шесть печатных страниц.

В уезде, конечно, паника. Еще бы! Если наши бюрократы будут кооперироваться и прибегать к братской помощи, они устроят такой бумажный потоп, что ни на каком ковчеге не спасешься!

ЛОЗУНГ ПРОГРЕССА

Рис. Ю. Г.

(Провинциалы в Москве)

— Смотри, душечка, как живут столичные! Они хотят неустанно итти вперед...

НАДЕЖНАЯ ЗАЩИТА

«Протекционизм, покровительство любимчикам создают нередко в наших учреждениях и трестах особый тип «недотрог», с которыми бывает иногда не легко справиться»...
(„Правда“).

Рис. Ю Ганфа

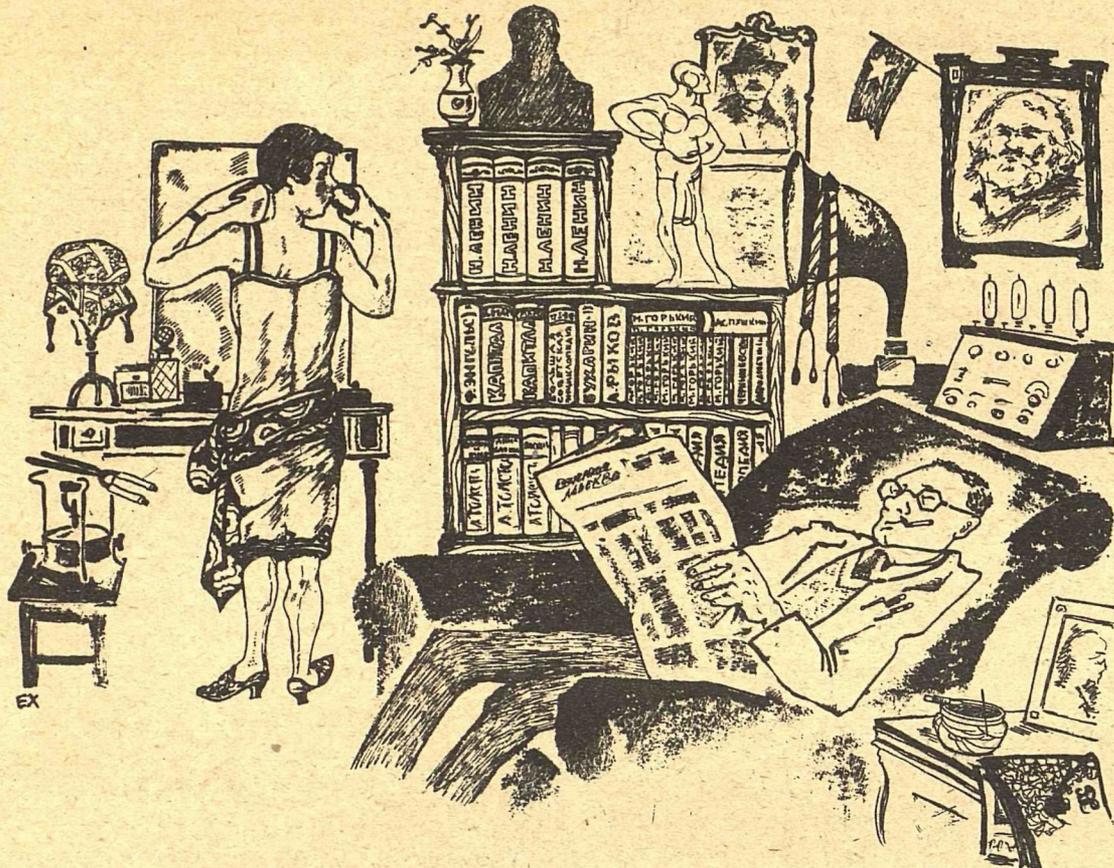
ОБЛИЧИТЕЛИ: — Ох, братцы, не подвернуться бы нам самим под руку!

Рис. Д. Мельникова

ЛИТЕРАТОРЫ: — Непонятно! Алексею Максимовичу, глядя на нас, радоваться бы да радоваться, а он плачет горькими слезами.

Рис. Е. Хомзе

— Ну, что интересного в газете?
— Особенного—ничего! Старуха попала под трамвай и две кражи.

ПО-КУЛЬТУРНОМУ

(Как будто с натуры)

— Нету местов!.. Гражданин, куда прете?! Сказано вам!.. Слазьте, не задерживайте автобус! Ну, кому говорю?!

— О, ч-чорт!.. Которые взадю стояли, те нахально вперед просклизнули, а мы, стало быть, дожидайся! Взять бы за шиворот бы да по морде...

— А и места-то есть! Сперлись все сзади, чтоб билеты скорей взять, а спереду, конечно, слободно...

— Скоро, говорят, без билетов будем ездить.

— Это как же так? По карточкам, что ли?

— Зачем по карточкам. Проект такой опубликован: у входа в автобус поставят вертячее заграждение, которое будет автоматически регистрировать каждого входящего.

— А загс закроется, стало быть? Зачем он тогда, если в автобусах регистрировать могут? Хо-хо!..

— Гы-гы!..

— Смешного нету! Шутки ваши при себе оставьте, а я дело вам говорю. Вошел, говорю, зарегистрировался и плати кондуктору за проезд! А билета тебе не надо, потому на регистраторе отмечается, со сколького народу кондуктор деньги должен собрать.

— Ишь ты!.. Культурная механизация, значит?

— Культурная-то она культурная, да что толку? Без билетов, а деньги все равно плати!

— Дурак заплатит. А который половчее, тот за всегда под вертячку подмырнеть.

— Опять же, шмыгнул вперед вагона: «Я, мол, уж заплатил»... Поди, докажи, что не плачено! Всегда можно словчиться, чтоб без денег...

— А ты не ловчись! Вон, за границей и вовсе ни кондукторов, ни контролеров. Войдет пассажир в трамвай, опустит в кружку, сколько требуется по таксе, и едет до своего пункта!

— За границей—культура. А у нас-то если б...

— Ого! Большой бы спрос на брючные пуговицы пошел бы: вместо денег в эту кружку опущать!

— Можно замест кружки автомат поставить со щелочкой, — и чтоб билеты выкидывал. Автоматы пуговиц не принимают!

— Ну, дык я вовсе ничего не опущу. Сел да поехал: на кой мне билет, если без контролера?..

— За этим остальная публика будет следить.

— А ей какая забота?

— Публике-то? Обидно же ей, небось: она деньги платила, а ты задарма... Этак-то всякий!

— Дело не в обиде, а в культурности. Странно вы рассуждаете, граждане! Ведь трамвай — наше же, народное достояние и на наши деньги содержится. Хозяева-то — мы сами! Что ж мы самих себя обворовывать будем? Понимать пора!

— Ну, и понимай, ежели такой понятливый! А я, вот, не желаю, чтоб публика мне указывала! Хочу — плачу, хочу — задаром поеду...

— Тогда и за шиворот можно...

— Не ты ли ухватишь? Ответить-то и по морде очень просто...

— А до твоей морды не достать, что ли? Болван!..

— Сам хам! Вот как двину сейчас...

— А ну-к-ся, попробуй!! Сволочь паршивая! Энтю, вот, видишь?!

— Н-но!.. Потихе, а то ведь и я...

— Толкаться?! Ах, ты!.. Д-ды я тебе!..

— Карау-ул!.. Мильцине-ер!!

— Растаскивай их, чертей!! Сзадю, сзадю зайди!..

— П-пуст-ти!.. Ч-чорт!.. Таких не учить?!

— Он мне первый — за грудки! Это какая же мода?..

— Мильцине-е-р!..

— Публичка!.. При культурной-то революции...

— Что тут случилось?..

— Да так... Сначала-то об культуре шел разговор...

— Разговаривали о культурных проектах...

— Во! Из-за одного из-за разговору — такое! А что ж будет, как до дела дойдет?!

Директива о самокритике ударила по Замирайску, как камень по стоячей воде.

Председатель исполкома, прочтя циркуляр, сурово уставился на сидевшего напротив него заведующего коммунхозом:

— Подтяну я вас, ребятки, как следует, — верхоглядство повсюду, зажимание глотки рядовым работникам!..

— Иван Иванович, а вы-то сами не дали говорить Хлыстову на президиуме, когда он коснулся ваших промахов?..

— Петр Сергееч, помолчите! Во-первых, вы меня не поняли, во-вторых, смотрите лучше за собой...

Завкоммунхозом надулся, но зашипеть не решился, и уехал к себе.

— Опять у вас очереди, — накинулся он на управдела, — пренебрежение к посетителям, заткание их законной самокритики!..

— Петр Сергееч, запомнить изволили, как вы сами гражданина Глоткина из кабинета вытряхнули... Публика — она такая, кого угодно доведет...

— Потрудитесь, Кляксин, не забываться... Вы — не я, а я — не вы... «Квод лицет»... — Петр Сергееч забыл продолжение латинской пословицы и, сделав вид, что занят по горло, убежал в кабинет.

Кляксин смертельно обиделся, хотя не знал даже толком, что означает эта пословица. Дело происходило на глазах у подчиненных, и Марья Алексевна, стучавшая на машинке, громко прыснула в пудреницу.

— Марья Алексевна, вы в советском учреждении, а не на бульваре! Думайте о работе, а не о молодых людях!..

Марья Алексевна была хорошенькая, а потому нагло ответила:

— А разрешите, тов. Кляксин, в порядке самокритики узнать, почему вы сами в служебное время любовные письма сочиняете и еще заставляете меня их перепечатывать?..

— Между машинисткой и управделом такая же разница, как между вами и умной женщиной! — вспыхнул Кляксин.

По тону начальника Марья Алексевна поняла, что она перешла границы самокритики, и решила смолчать.

Через минуту она выплеснула злобу на проходившего курьера:

— Опять чай холодный... О чем вы думаете, Петр?.. Так работать нельзя!..

— А пудриться целый день можно? — прошамкал старик. — Молоды вы еще меня учить! Помню, в японскую войну...

— Не забывайте, Петр, я вас живо на место поставлю!..

Петр подумал, что на место ставила его вовсе не Марья Алексевна, а дай ему бог здоровья, товарищ Кляксин, но сдержался и ничего не ответил.

Зато не успел он после работы войти в свою комнату, как сразу принялся пороть своего маленького племянника.

Мальчишка ревел не тише, чем всегда, так как не понимал, что сегодня он страдал в порядке самокритики.

Вывравшись, наконец, из цепких дядиных рук, он побежал на двор, поймал котенка, оттаскал его за уши — и успокоился.

Остальной Замирайск успокоился еще раньше: чего ему было беспокоиться?..

Так успокаивается зеркальная гладь воды, после того, как последний, уже совсем неясный расплывчатый круг от удара камнем незаметно сливается с водной поверхностью.

Никита Крышкин.

И. Амский.

ПИСЬМО С КУРОРТА

«Что вы медлите еще там?
Здесь провести бы лето вам...
Эх, конца нет (как отчетам)
Горам фиолетовым.

Зори!
Море!
Даль манит...
Думы беспечальные...
Ну, а воздух-то пьянит,
Словно премиальные.
Дамы, девы не грустят,
Мило снисходящие.
В парке листья шелестят,
Словно исходящие...
Вас дожидаться тшечно тшусь...
(Вот уж покрутили бы!).
Впрочем, скоро возвращусь:
Вдруг не сократили бы?!»

М. Андр.

БАССЕЙН С АНТЕННОЙ

Двое больных наблюдают из окна больничной палаты, как на пустыре, за забором, воздвигается какое-то здание.

— В роде как бы — кумпол! — говорит один, бородатый, обсуждая постройку. — Сейчас бы — маковку и крест! И что за штука, сделай милость?!

— Бассейн! — решает другой, бритый. — Для физкультурного плавания... В журнале вот тоже такой-то... Здание и при ем — кумпол, чтобы способнее нырять, значит! У нас еще ячейка безбожников церковь норвила под бассейн...

Бородатый удовлетворяется объяснением:

— Коли бассейн, значит бассейн и есть!

Проходят дни, и обсуждение возобновляется.

— Вылитая, гляжу я, колокольня! — удивляется бородатый. — Сейчас бы — колокола, да — к обедне! И что, скажи, это за чертовщина?!

— Это-то? — всматривается бритый. — Это по-ученому — обсерваторий! Для наблюдения через трубу небесных светил... У нас еще ячейка безбожников под это самое колокольню норвила...

Бородатый вздыхает:

— Ну, коль обсерваторий, значит он и есть!

Наконец, выздоравливающие рассматривают выросшую на куполе толдубую маковку с золотыми звездами.

— Ей-ей, только креста и нехватат! — говорит бородатый.

— Креста-а?! — отзывается бритый — Это, брат, не про крест! Это — для антенны, по приему радиустановки... У нас еще ячейка безбожников норвила...

Но бородатый на этот раз упирается:

— Норвила! Принорвила ль?!

Бритый сплевывает и поясняет:

— Распалась, оттого и не принорвила. А почему распалась? Работы не стало. Было две старушка верующие — померли...

Бородатый вздыхает:

— Ну-к, значит, и есть эта самая... Антенна то-есть!

Наконец, наступает день... До приятелей доносится внезапно церковный звон. Они распахивают окно и видят, что на маковке сияет крест, а вокруг здания вьется змея крестного хода.

Бритый молчит, а бородатый зудит язвитель но:

— Попы-то, говорю, ячейку-то вашу не обошли ли часом? А, друг? Вишь, бассейн-то твой, вместе и с антенной, с этой, под церкву принорвили! Э-эх, вы!

В. Авилов.

ЧТО ХУЖЕ

— У нас, брат, в ячейке всякую самокритику называют «сплетнями»...

— Ну, у нас не лучше: всякую сплетню называют «самокритикой»!..

КАЛЕННЫМ ЖЕЛЕЗОМ...

«Каленым железом выжечь и вымести железной метлой», — такие металлические резолюции принимает партийная ячейка против всех злоупотреблений на текстильной фабрике имени умершей от родов ткачихи Карнауховой.

Злоупотреблений на фабрике много, и когда они созревают, как нарыв, готовый прорваться, ячейка включает вопрос о них в повестку собрания.

— «На этих днях фабричной ячейке стало известно», — стальным голосом зачитывает резолюцию закаленный секретарь ячейки Чугунов, — «что на заводском дворе вот уже полгода ржавеют заграничные станки, в виду чего и в целях немедленного предупреждения недопустимого бюрократизма, выжечь каленым железом...». Кто за? Поднимите руки! Все за!

... — И вымести железной метлой! — подсказывает секретарю искусственная ячейка.

Однако пока «каленое железо» тащится от резолюции к исполнению, железо остывает, как студень. А железной метлы и вовсе нет на фабрике. Ею пользуются только в резолюции, для всех же прочих надобностей служат метлы обыкновенные, о которых, впрочем, в резолюциях писать не принято.

В общем, на безделье и резолюция — дело.

— «Заслушав информацию о преступном пьянстве и женском попустительстве мастера Заняткина», — зачитывает резолюцию закаленный секретарь Чугунов, — «ячейка считает, что перед лицом культурной революции и нового быта подобные явления недопустимы, и постановляет выжечь...».

— Каленым железом! — единогласно голосует ячейка.

И раскаленная эта резолюция попадает в самую точку, так как еще месяца за три до «каленого железа» мастер Заняткин оказывается «выжженным» со службы с выходным пособием.

Но об этом вопрос стоит уже на следующем очередном собрании ячейки.

Закаленный Чугунов читает «поступившее» в президиум:

— «Заслушав дополнительную информацию об уволенном со службы мастере Заняткине, как оплоте бывшего режима, фабричная ячейка ВКП(б) постановляет выжигать и впредь...».

Но не успевает ячейка ответить свое единогласное «каленым железом», как всех опережает голос, отбившийся от коллектива:

— Впредь да впредь, а почему, товарищ Чугунов, ячейка плетется позади, в хвостизме? Это ж какая наша работа? Возмись в роде с прошлогодним снегом. А то-оже — каленым железом!

— Каленым железом! — чеканит в ответ закаленный секретарь, — каленым железом выжечь подобную несознательность товарища Семейко, который позволяет себе это в момент оглашения резолюции, которая... каленым железом выжечь...

Здесь Чугунов делает перерыв в ожидании хорого ответа, но ячейка впервые не откликнется. И закаленный секретарь сам заканчивает, стукнув кулаком по столу:

... — И железной метлой!

Л. Митницкий

ЗА МОСКВОЙ НЕ УГОНИШЬСЯ

— Ты не гляди, что у нас — провинция! Мы самокритику во как развертываем: от Москвы не отстаем!..

— Хватился: самокритику!.. У нас уж новая кампания проводится; самокритика самокритики!

Н.

КООПЕРАТИВНАЯ „АНОМАЛИЯ“

Наиболее крупные кооперативные хищения происходят в усиленно охраняемых магазинах. («Правда».)

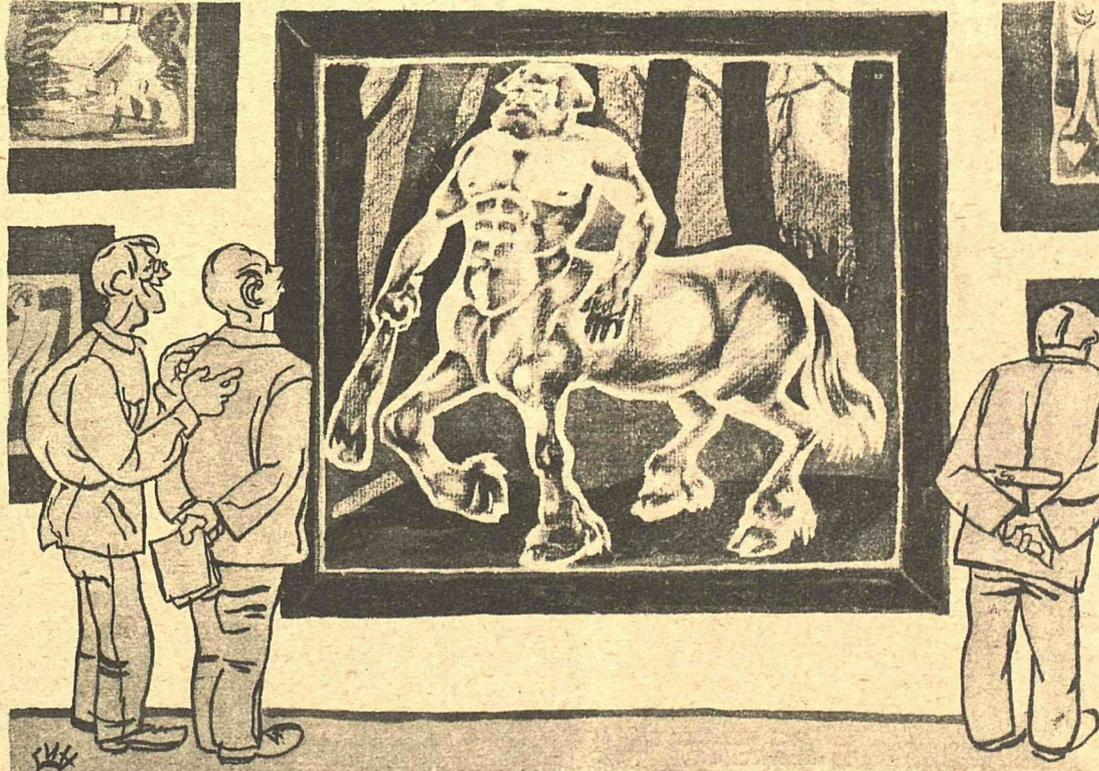
У лавки сторож был. Песку исчезло пуд. Два сторожа стоят. Всему мешку капут!.. Так как же поступить, дабы уменьшить кражу? Да, видно, к сторожам придется... ставить СТРАЖУ.

Ар.

ПОНЯТНАЯ ЗАВИСТЬ

(В музее)

Рис. А. Гин

— Эх, и жили же люди! До чего удобно было по учреждениям за справками бегать!

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Рис. Ю. Ганфа

— Ну, зачем было предместкома приглашать: с нами пил, нас же и кроет...
— Пустяки,—это он спьяну. Проспится и успокоится.

ВНИМАНИЕ В БОК

СОМНИТЕЛЬНЫЙ МАГАЛИФ

В комедии «Горе от ума» некий зарвавшийся типчик, по фамилии Фамусов, так рассуждает о культработе:

— Собрать бы книги все
Да — сжечь!

Зав Елецкой поликлиникой тов. Магалиф смотрит на это дело несколько мягче. В одном из документов по поводу отсутствия в поликлинике культработы он пишет:

Все брошюры и журналы со столов поликлиники уносятся домой, несмотря на печати на них (!).

Кстати, я сомневаюсь в полезности в лечебном заведении держать журналы: не явились бы они источником заразы?

Подход, правда, медицинский, но по существу — фамусовский. В данном случае, горе, к сожалению, не от ума!

ВЕСЕЛЬЧАК ЖИВАЕВ

Сочинское курортное управление весьма забывается о том, чтобы санаторным больным было нескучно.

В санатории Уч-Дере, например, развлечений тьма.

Больных набили в комнаты до отказа, а в качестве увеселителя выписали из г. Пугачева известного весельчака и оригинала тов. Живаева, начальника местной милиции.

Тов. Живаев рассказывает больным похабные анекдоты до 2-х часов ночи, при этом он сам курит в палате и других причащает. Из рассказов особенно пользуется популярностью повествование о том, как Живаев допрашивает у себя в кабинете правонарушителей. Допрашивает Живаев, действительно, очень смешно, пользуясь, по его словам, при допросе преимущественно подковой.

Интересно знать: подкуют ли когда-нибудь самого Живаева за такие замечательные таланты?

В НОГУ С ЖИЗНЬЮ

Школа и жизнь связаны у нас неразрывно. В Устьсысольской школе 2-й ступени воспитательное дело поставлено в соответствии с требованиями жизни.

Учеников за малейшую провинность заставляют стоять у канцелярии во время уроков.

Этим способом школа надеется воспитать в подрастающем поколении стойкость, столь необходимую в наше время очередей и хвостов.

СВИРЕПЫЙ МУЖЧИНА

Управлять Слепцовским агентством госбанка очень не легко. И немудрено, что управляющий Перминов сделался первым матерщинником во всей округе.

«Особенно материт Захар Иванович экономкомиссию, — пишет нам группа профработников. — Пришел это однажды Перминов в экономкомиссию и заорал:

— Убирайтесь к чертовой матери!

Члены комиссии разбежались, так как от Перминова не трудно и по морде заработать...»

Заработок, действительно, не привлекательный! Кстати, почему Перминов называется управляющим? Не правильнее ли наименовать его расправляющим?

И ТУТ КОМИССИЯ

Инженер сталинградского металлургического завода Кошкин пришел на семейный вечер инженеров и сел в мягкое кресло... И вдруг вскочил, как ужасенный... Что-то укололо инженерскую мякушку.

— Кто положил в кресло булавку? — закричал инженер. — Создайте сейчас же комиссию для изучения причин происхождения укола предмета инженерной необходимости.

— Но ведь цель комиссии, — возразили ему, — устранять дефекты нашего производства.

— Производства?! Пустяки... Я не намерен из-за поранения сидельного аппарата стоять на заседаниях. Моя мякушка важнее.

ОПЯТЬ О ШАЛЫГИНЕ

Зав. ярославским губоно, помимо основных забот о благоустройстве своей квартиры, занимается еще и заушением местных педагогов.

Как-то, размышляя по обыкновению в своей знаменитой ванне, описанной в № 17 «Крокодила», Шалыгин решил повести немедленно борьбу с религиозной крамоллой.

И тут же, не вылезая из ванны, он написал грозную статью о местном шкрабе, у одного из учеников которого в тетрадке было обнаружено пересказ «на религиозную тему».

Потом оказалось, что тема пересказа взята из известных приключений барона Мюнхгаузена, а шкраб этот является видным научным работником.

Шалыгин, узнав это, огорчился и решил по обыкновению своему принять ванну.

Сидит он себе в тепленькой водичке и на всех поплевывает. С него, как с гуся вода.

ЭТО ШУТКА БЫЛА ДОРОГАЯ

Скучно, братцы, жить в Галиче.

Жителишки ленивые, сонные... Даже дерутся не каждый праздник. Словом, — городишко маложивленный, некультурный.

Тов. Буров, уполномоченный губторга, прославившийся тем, что однажды сгрыз в неделю целый мешок семечек, давно мечтал оживить чем-нибудь сонливых галичан. И недавно придумал. Он отдал распоряжение прекратить с утра продажу круп.

— Война! — решили смекалистые галичане. — Запасайся, братцы! Не иначе, как война начинается.

И стали запасаться сахаром, мукой, мануфактурой. Весть долетела до деревни. Двинулись подводы в город. Началось столпотворение. Весело было смотреть, как штурмовали покупатели лавчонки и дрались в очередях.

— Вот это оживление! — радовался Буров. — Спасибо, потешили!

И в тот же день к часу дня отменил свое запрещение на продажу крупы. Граждане успокоились, а остроумного Булова с этого дня стали величать:

— Крупный... (далее идет слово, неудобное к печати).

ГАЛАНТЕРЕЙНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Едешь иногда в трамвае, скажем, и думаешь: «До чего народ грубиян пошел. Нет того, чтобы, к примеру, женщине место уступить».

Совсем же так ведут себя граждане в гор. Малмыже.

Захотела жена местного профработника Кукулина стать милиционером. Нач. адм. отдела — вежливый, моментально ей место устроил.

А профработник тоже по части вежливости не захотел в долгу остаться.

Сейчас же уступил женушке нач. адм. отдела место кассирши в кооперативе.

Прямо не город, а школа вежливости в уездном масштабе...

ПРИДВОРНАЯ ЖИЗНЬ

Когда-то при царе придворное звание давалось большим аристократам.

А теперь его может получить каждый крестьянин, пожелавший переночевать в Ирбитском доме крестьянина. В этом доме все номера и койки заняты советскими служащими, а приезжим крестьянам предлагают спать в телегах при дворе, отчего крестьяне-ночлежники и называются администрацией «придворными».

Запрошенная по этому случаю администрация ответила буквально так:

— Советские служащие активно посещают буфет с пивом, отчего получается сдвиг в работе и больше достижений.

Сдвиг, конечно, вещь хорошая! Особенно, если сдвинуть с места подобную администрацию!

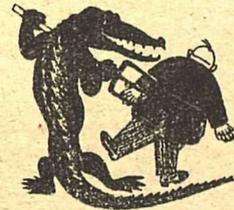
НАША ВЗЯЛА!

Что русскому здорово, то немцу — смерть! Монтер немец Шейерман волею судеб очутился на работе в Алапаевском заводе.

Здесь, как известно, процветают, во славу культурной революции, самые крупные, самые отборные во всей республике клопы. А на болоте, где Шейерман ставил экскаватор, водятся комары злее цепных собак.

Благодушные россияне, конечно, на такую мелочь внимания не обращают, но изнеженный Шейерман не вынес страданий и срочно выписал с далекой родины пузырек клоповой жидкости и накомарник. Аккуратные родичи быстро прислали Шейерману спасательные средства. Но не таковы были наши таможенные сотрудники. Поразмыслив толику времени над незнакомыми предметами, они пришли к заключению, что пузырек и накомарник не что иное, как предметы роскоши. И обложили пузырек пошлиной в 26 р. 60 к., а накомарник в 45 р. 32 копейки! Пришлось немцу от посылки отказаться.

Ишь, тоже, чего нехристь выдумал, накомарник, — торжествуют чинуши, выкомарившие такую таможенную штуку.

БОЛТУНЫ ВСМЯТКУ

Был такой беспартийный путешественник, по фамилии Колумб. Он прославился тем, что открыл Америку и сумел поставить яйцо.

Руководители Вотского облторготдела, не смотря на свою партийность, Америки до сих пор не открыли и яичного дела поставить никак не могут. Наоборот, целым рядом противоречивых распоряжений они заготовку яиц сорвали совершенно.

Яйца, конечно, курицу не учат: курица, она птичка умная. А вот, Вотский облторготдел яйца должны бы уму-разуму научить! Ему полезно!

ПЕНЗЕНСКИЕ ОРИГИНАЛЫ

Специалист, как известно, флюсу подобен: полнота его односторонняя.

Начальник ст. Пенза, С.-В. ж. д., большой специалист своего дела, но по части культработы совершенно не осведомлен. Когда агитпункт собрался поставить громкоговоритель, то начальник станции встал на дыбки:

Работа громкоговорителя, — пишет он, — несомненно привлечет большой приток слушателей, не имеющих отношения к проезду, не исключая возможности срыва с мест в процессе работ служащих и рабочих, с вытеснением пассажиров и, несомненно, создаст целый ряд неудобств поддержания требуемого порядка в отношении пассажиров, самого помещения и антисанитарного его состояния.

Подобный случай был с одним дикарем. Привезли им мыла, а они его с'ели. В Пензе же с'ели, как видите, даже громкоговоритель!

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ХОРОШЕГО ТОНА

Рис. И. Янга

— За что же ты его, милочка?
— Он невежа! Сидит к даме спиной, да еще газету читает!

САМОУЧИТЕЛЬ САМОКРИТИКИ

УРОК II

Излюбленным местом для произрастания и расцвета самокритики должны стать, разумеется, наши профсоюзы. Однако перегиб палки и бестактные выступления здесь желательны еще менее, чем даже в какой-либо парторганизации. Не забывайте, товарищи, что в последней вы окружены своей собственной, так сказать, средой, в профсоюзе же к вашему нежелательному выступлению могут прислушаться и беспартийные.

Профсоюзную самокритику легче и удобнее всего развертывать на пленумах правлений губотделов союзов. На местных общих собраниях ей подвергается скорее близкий фабзавместком, чем далекий губотдел, а съезды — дело редкое и торжественное. Не говорю уже о том, что в правлениях заседают профессионалисты опытные, сведущие и стоящие в курсе дела, а состав съезда может быть пестрым и случайным.

Но допустимо ли, выступая с самокритикой на пленуме правления, заявить, например, нижеследующее:

— Товарищи, не полагаете ли вы, что наш губотдел следовало бы разогнать? От масс мы отгородились канцелярской стеной, оторвались, переселились, обросли аппаратно-бумажной чепухой, и ни массы не чувствуют нас, ни мы их!.. Все ли члены союза знают нашего председателя в лицо или хоть по фамилии?.. Прислушиваемся ли мы к настроениям и запросам членов? Даем ли им что-нибудь, кроме разъяснений и справок?.. Придумываем ли и пробуем ли всерьез новые методы работы?.. Нет, товарищи! Ни к чорту мы не годимся, бюрократы мы и!..

Так выступать недопустимо. И продолжать в таком духе невозможно, ибо председательствующий позвонит, остановит самокритику и перенесет дальнейшее обсуждение вопроса на фракцию. А на фракции скажут:

— Как же вы, товарищ, не понимаете, что такая критика отдает меньшевизмом! Вы что же, с ума спятили бухать такие вещи при беспартийных членах правления? Какая у вас была цель: дискредитировать губотдел и заодно все наше профдвижение? Или вы хотели подыграться к массам путем дешевой и злобной демагогии?..

Но и без заседания фракции ясно, что такая самокритика, по меньшей мере, неудобна. Совсем другое дело зато, если самокритик, — человек с опытом, с выдержкой или с хорошим знанием нашего самоучителя, — выскажется в таком, приблизительно, роде:

— Кроме текущих очередных вопросов, товарищи, не мешало бы нам заняться и деловой самокритикой. Мало ли у нас недостатков, которые заметны не только со стороны, но и в первую очередь нам самим? Так, например, бумажки, исходящие из ОТЭ или из орготдела и относящиеся к специальности этих отделов, всегда идут у нас за подписью председателя, секретаря и заведующего отделом. Зачем это тройное подписывание, товарищи? По-моему, вполне достаточно, если бумажку, не носящую особо принципиального характера, подпишет, кроме завотделом, или председатель или секретарь. Я не хочу, товарищи, никого обижать своим замечанием, но мне кажется, что тут у нас имеет место излишний формализм. Устранив его, мы косвенно ударим и по бюрократизму и, с другой стороны, ускорим до некоторой степени даже самое прохождение бумаги. Не говорю уже о том, что уменьшение количества подписей позволит нам, может быть, несколько уменьшить размер бланков, что, конечно, даст в результате известную экономию...

К такого рода самокритике едва ли можно отнестись с осуждением, несмотря на дискуссионность ее содержания. Быть может она ошибочна (три подписи ставятся, вероятно, не без оснований), но она конкретна, она вносит деловые предложения, она бьет по бюрократизму, она напоминает о режиме экономии и, наконец, она бесспорно благожелательна.

Если и к такой самокритике кто-либо отнесется, как к демагогическому выпадку, то его самого надлежит подвергнуть решительной критике, — не резкой, конечно, а разъясняющей ошибочность его мнения.

Беспартийный Савелий Октябrev.

ФИЗКУЛЬТУРА НА ДОМУ

Степанида моя, старая клубная птица, за чаем взбесилась:

— У всех мужья, как мужья, и только ты у меня — старая калоша со всеми вытекающими последствиями! В клуб ходишь? Нет! Тяжелой атлетикой занимаешься? Никак нет! Да что же это за развалина на мою голову-у? У Домны Свежей старик, — он тебе и на брусьях гнется, и на кобыле мускулы напрягает, он и на два аршина прыгает, он и!..

— Да чего же тебе?

— Довольно! Будя. Можешь ты понять общественно-важное дело? Должен! Можешь ты не понимать физкультурное дело? Никак! Дух вышибу! Можешь ты уразуметь поголовную тренировку всех частей? И теперь вопрос: не лучше ли нам подзаняться поздно, чем никогда?

А мне и крыть нечем. Развожу руками и думаю: «Неисповедимы пути твои...».

Решили подзаняться.

Утром спросонья чувствую, — ноги с корнем чуть не отрывают. Стянуло меня что-то с кровати и повелительно кричит:

— Лодырь! Или хочешь, чтобы я по тебе каким-нибудь домашним приспособлением съездила? Упражняйся!

Не успел в штаны влезть и потянуться за «Согласием», — стоп!

— Это что-о-о? — встает на дыбы Степанида. — Открывай рот, давай зубы! Вот щетка. Вот порошок. Вот вода. Да чисть веселей, старый разбойник, я в резерве кочергу левой рукой всецело поддерживаю!

— Голубушка, — молю, — да у меня зубов-то негу!

— Все равно. Найдутся, если нужно. Чисть что-нибудь другое, но чисть! В журнале сказано.

Завертелась, заходила в моей беззубой пасти Степанидина лапища. Хотел прыгнуть в окно, — туго. Держит треклятая баба и говорит:

— Стой, — говорит, — куда? Не окончено. Ножницы где?

И пока я стал соображать, что же она со мной думает делать, — раздался треск, и мои штаны превратились в коротенькие трусики.

— Теперь, — зарохотала Степанида, — слушать ка-а-аманду! Ать-два! Ать-два! Режь угол, старая калоша.левой!левой! Куда правой?

— Степанидочка моя, — умоляю, — ласточка моя старая, дай, дорогая, пожрать. Никогда так не хотелось... Век буду бога молить...

— Молчать! — автоматически взвился веник со свистом. — Соблю-дать дисциплину! Из строя выкину!

— Выкинь, голубушка! — уцепился я.

— Молчать! Носом дыши, а не ртом. Не дам жрать до конца. Де-лай дыхание... Раз, два, вдох, выдох... Глубже дыши! Вдох, выдох!

— Степанидочка... Сте-те-те...

А она открывает форточку, смотрит в журнал и говорит:

— Следующее: упражнения в легкой атлетике. Рукава закачай, раззяв! Вот так. Возьми теперь угольный куль, вон в углу. Выжимай!

И как его выжимать и зачем его выж... Но задвигавшаяся кочерга привела меня из задумчивого состояния в нормальное и... поднял я два раза куль, а на третий раз опустил и сел на него.

— Ласточка моя, — молю, — уволь!

— Бега и плавания, — раздалось новое приказание.

Отвезли меня тогда в больницу, а теперь боюсь выздоравливать. Что, как опять примется за меня Степанида моя, баба треклятая, старая физкультурная птица?

Марк Касвинов.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ВИКТОРИНА

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ: ВОЛГА ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

ВОПРОС: Обидно ли сапожникам, если их называют сапожниками?

ОТВЕТ: Смотря кто и где. Заведующий мастерской Аткарского комбината тов. Викке целыми днями орет на мастеров: «Сапожники!.. Перед тем, как меня критиковать, заведите носовые платки, чтобы носы утереть».

Тов. Викке носовой платок не требуется. У него нос задран кверху сверх всякой меры...

ВОПРОС: Какие атмосферные осадки нужно считать самыми неприятными?

ОТВЕТ: Безусловно циркулярные. Речицкий райисполком заваливает свои сельсоветы циркулярами выше головы. За три месяца при-слано было свыше 200 циркуляров. Написаны они таким непонятным языком, что сельсоветчики даже понять не могут, что там написано. Пред. Артюковского сельсовета принужден обращаться за разъяснениями к местному попу. Поп читает циркуляры и приговаривает:

— Это тебе за твои грехи кара посылается!.. Вместо муки адовой!..

ВОПРОС: Для чего дан человеку язык?

ОТВЕТ: Странный вопрос. Конечно, для того, чтобы подлизываться. Весовщик Чарноминского сахарного завода Бочковский не знал этого и использовал свой язык для совершенно противоположных целей. Он заявил администратору завода Попову о крупной недостаче свеклы на складах и потребовал принятия мер. На следующий день его выгнали с завода в три шеи. На его место посадили весовщика Курзина — виновника хищений свеклы. Вот к каким печальным результатам приводит неправильное использование человеческого языка.

ВОПРОС: Какой народ самый выносливый в мире?

ОТВЕТ: Радиолюбители. Взять, к примеру, Сарапуль. Местный горкомтрест не знал, куда ткнуть залежавшиеся на складах электросчетчики. А зачем радиолюбители существуют? Приказал им горкомтрест обзавестись счетчиками. Народ крепкий, выдержит! Если программы Радиопередачи выдерживают, то это для них сущие пустяки...

ВОПРОС: Нельзя ли для прогулов подальше выбрать закоулочек?

ОТВЕТ: Зачем подальше! На глазах у всех гораздо интереснее. В Ростове-на-Дону правление краевого ТПО заставляет кассиршу Васищеву вынуждено прогуливать вот уже пятнадцать месяцев. Ее неправильно уволили и два раза восстанавливали на работе, в конфликтном порядке. Со скрежетом зубным ее допустили к работе на незаконно уменьшили жалованье. Очевидно, собираются содрать с нее те 800 рубликов, в которые влетели потребителям капризы правления.

ЗАПУТАЛСЯ

В кабинет Михаила Борисовича, председателя хлебоцентра, с двери которого на-днях предусмотрительно была снята дощечка: «Без доклада не входить», втиснулся лохматый дядя в блинчатом картузе, в сермяжном пиджаке, перепоясанном бечевкой, и с кнутом за голенищем.

Он нехитро оглядел довольно хорошо обставленную комнату и, остановившись взглядом на огромном письменном столе, из-за которого сверкали роговые очки Михаила Борисовича, гаркнул:

— Не туда опять, должно! Прости, господи, неграмотному дюже негоже!

— Неграмотный? Гм-м! — сейчас же почему-то усомнился и обеспокоился Михаил Борисович, протянутый недавно в газете за бюрократизм. — Неграмотный? А не кроется ли тут...

Он даже привстал со стула от волнения и мягко спросил у посетителя:

— Простите, вы по какому делу? Возможно, что я вам сумею помочь. Наше дело — оказывать, так сказать, содействие...

— Насчет лошади мне, — громыхнул мужик. «Эге-ге... Насчет лошади?! — пронеслось в мыслях у Михаила Борисовича, — знаем мы этих лошадей. В прошлый раз вот так же было насчет двух вагонов овса... Сейчас насчет лошади. Эх, куда загнул! Не иначе — подослан! Ну, ничего»...

— Хотя это и имеет отдаленное отношение к нашему учреждению, — ласково говорил Михаил Борисович, — однако по завету нашего вождя, как говорится, всякого выслушай и облегчи...

— Голубчик! — рванулся к Михаилу Борисовичу мужик. — Облегчи! Дюже неграмотны. Облегчи!

Порыв мужика был такой искренний, что Михаил Борисович начал сомневаться: может быть, и не подослан, а так, по нужде? Тем не менее и на всякий случай он решил отнестись к посетителю внимательно.

— Расскажите, в чем дело?

— Видишь, штука какая. Егора Митрева, значит, кобыла. Ядреная кобыла, вороной масти. И крепыш! У-у! Стерва, а не лошадь. «Слушай, говорит, Андрей (это мне значит). Кобыла, говорит, нет слов хороша, первейший сорт. Только, говорит, цену возьму, уж как хошь, гляди сам». Гляжу, говорю. Бери. Сам знаешь, лошадь в хозяйстве, что баба в доме. Ну, я возьму и сограться...

Михаил Борисович твердо решил, что мужик не подослан, и, поморщившись, перестал его слушать.

— ...Иди, говорят, в самый центр, — гудел мужик, — в самое центральное место. Там тебе облегчат... Дай распоряжение, голубчик, бумажку дай!

— Какую бумажку?

— В милицию. Не отдают без бумажки. Мы, говорят, почему знаем, что кобыла твоя. Егорт Митрев помер, четвертый месяц пошел. Что ты будешь делать! Удостоверьте, ради Христа, что, мол, лошадь-то моя, кровная.

— Вы, батенька мой, что-то путаете. Никаких мы бумажек не выдаем. Это в другое место надо.

Лицо Михаила Борисовича приняло обычное каменное выражение.

— Вы, почтенный, не туда попали. Э... Вам нужно. Э... Ничем помочь не можем...

Мужик с минуту глядел на него остеклевшими, мутными глазами.

— Чего же ты мне голову морочил? А? Я с ним канительюсь! «Облегчу-у!». Облечитель! Ну, сказал бы русским языком — проваливай, мол, не туда попал! А то... Подожди, дойду до редакции, — найдется на вашего брата управа!..

С этими словами он сплюнул на ковер и пошел к выходу.

В кабинет вошел другой посетитель.

— Вам еще что нужно? — грубо осадил его раздраженный хозяин кабинета.

— Я по поводу газетной заметки, — вежливо сказал посетитель.

— Какой такой еще газеты? Сегодня не даем сведений для газет, — отрезал разгневанный Михаил Борисович, даже не глядя на посетителя. — Русским вам языком говорю, — сведений не даем!

— Вы меня не так поняли. Я пришел расследовать по газетной заметке. По жалобе. Из РКИ!

Михаил Борисович вскочил, надул щеки и выпучил глаза, как рыба, поддетая на крючок.

С. Веди.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Если нельзя уволить тебя за самокритику, то за отсутствие оной — тем более.

Иногда упрямо говорят: «Секретарь ячейки», когда надлежало бы сказать: «Ячейка секретаря».

Будучи беспартийным, что тебе за дело до линии парткома?..

Полагаю, что количество критикующих весьма возросло бы, если бы оным разрешили ношение особых значков и форменных фуражек.

Критика сверху иногда равносильна приказу об увольнении, а критика снизу — увольнение по собственному желанию.

Польстив заведующему, смело обличай его заместителя!

Критика, глупая и вздорная на 90 процентов, не раздражает, чего нельзя сказать о критике, на все 100 процентов умной.

В прениях языком болтай, а при голосовании рукам воли не давай!

Беспартийный

Савелий Октябрьев.

ДЕЛО ОБ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Тихо и однообразно текла жизнь в Степано-Разинской станице, 2-го Донского округа.

Тоска одолевала всех смертная, и, кажется, даже пушкой нельзя было разбудить мирный сон южной станицы.

Председатель сельсовета Иванов получил третий циркуляр об оживлении советской работы и вовлечении масс, но, пройдясь по главной улице и наглядявшись на заспанные гражданские физиономии, он безнадежно махнул рукой и пришел циркуляр к делу.

Так бы, пожалуй, и дождался Иванов отставки за бездеятельность, если бы местный шкраб Н. не воспыпал вдруг любовью к учительнице.

Ухаживанья супруга прилились жене учителя не по вкусу, и она, на глазах учащихся, отдусила его для начала какой-то твердой школьной принадлежностью.

С этого дня школа превратилась в театр. Ежедневно происходили сцены и драки.

Граждане расцвели и целыми днями бегали друг к другу узнавать последние новости с фронта.

Сельсовет воспользовался этим обстоятельством и, дав по шапке всяким мелким вопросам, в роде хлебозаготовок, объявил специальное заседание сельсовета, посвященное делу о чрезвычайной и непредусмотренной уставом трудовой школы любви двух сельских шкрабов.

Массы втянулись немедленно и окружили сельсоветскую избу сплошной стеной.

Прения носили бурный характер, и каждое слово, вылетевшее из душного, запотевшего сельсовета, передавалось тысячами взволнованных губ чище любого громкоговорителя.

Долго заседал сельсовет. Солнце, как ему ни интересно было узнать резолюцию совета, укатилось за горизонт, а заседание все продолжалось.

Резолюция гласила следующее:

«Принимая во внимание допущенную учительницей дико-скотскую мерзость в стенах культурно-просветительного учреждения, сельсовет просит окрОНО удалить учительницу в трехдневный срок, а вместо нее прислать учителя»...

Учительницам в Степано-Разинской станице объявлен бойкот, как явно ненадежному элементу. Кто их, этих учительш, разберет! А вдруг влюбится в нее кто-нибудь, и придется снова дни и ночи потеть над «очищением школы от дико-скотской мерзости».

Самое верное, — брать с учительш подписку о невлюблении.

Так оно будет спокойнее!

Ипа.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ:

СПУТНИК ОХОТНИКА Сост. Рахманин. 313 стр. С рис. Ц. 1 р. 50 к.

КРАСИВО И ПРАВИЛЬНО ПИСАТЬ НАУЧИТЕСЬ, ПРИОБРЕТА СКОРО И ПИСАТЬ КАЛЛИГРАФИЮ Сост. Волченком. Ц. 1 р. 25 к.

Дрекслер.—Как предохранить себя от беременности. Цена 1 р. 20 к.

Левенфельд.—Гипноз и его техника. Ц. 2 р. **Кнейп.**—Мое водолечение. Ц. 1 р. 25 к. **Латанус.**—Самоучитель кройки мужского платья. Ц. 1 р. 80 к. **Якобзон.**—Онанизм у мужчины и женщины и его лечение. Ц. 2 р. 50 к. **Его же.**—Вопросы пола. Ц. 1 р. 50 к. **Роледер.**—

Физиол. и патология полового акта. Ц. 1 р. 70 к.

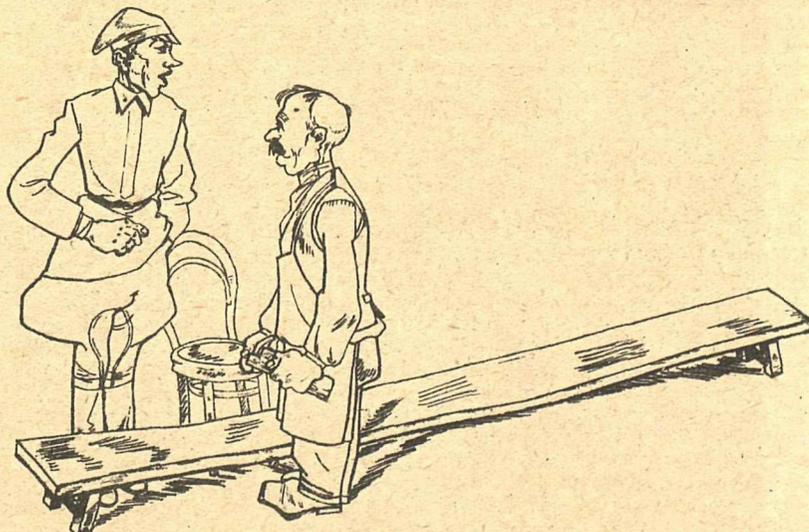
СПРАВОЧНИК ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ. Сбор, сушка, разведение. 136 стр. С атлас. в красках, на 73 табл. Сост. Комаров. Ц. 2 р. 50 к.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ Гребля, плавание, футбол, бокс, борьба, джун-джитсу и др. виды спорта. 536 стр. Ц. 2 р. 50 к.

А также любую книгу высл. налож. платеж. книги. магаз. «НАУКА И ЖИЗНЬ» Москва, 9, Воздвиженка, 4/к. За книги и на ответ можно почтов. марк.

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СТОЛЯР

Рис. И. Янга

КОМЕНДАНТ:—Ты что же такую маленькую скамью для подсудимых сделал?

СТОЛЯР:—А что ж? Нешто на ней большим людям сидеть?..

23702

НА ТОРЖЕСТВЕ ЗАКЛАДКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ

26 ИЮЛ. 1928

Рис. М. Черемных

— Гм... Мы-то, действительно, „ЗАЛОЖИЛИ“... А они чего радуются?